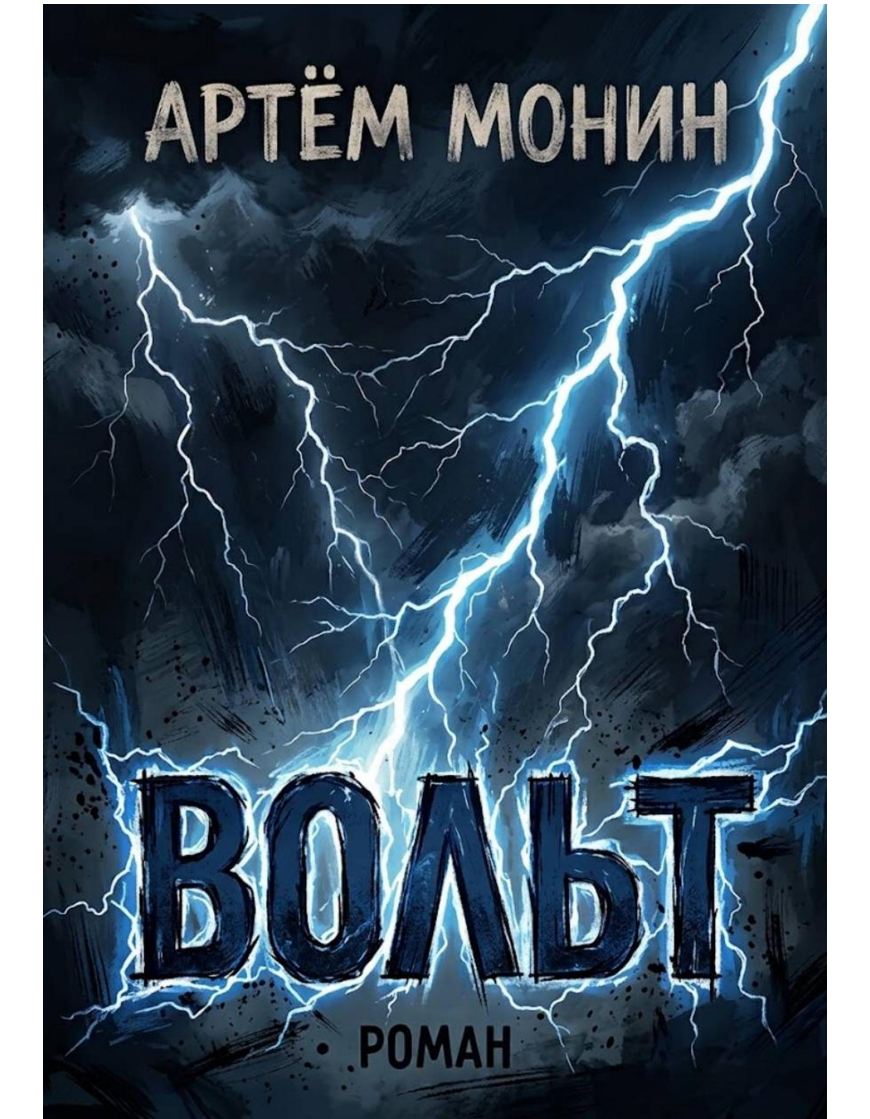

АРТЁМ МОЧИН

ВОЛЬТ

• РОМАН

Артём Монин

Вольт

<https://litres.ru/74468508>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестнадцатилетний Александр Иванов — одинокий парень, который привык быть невидимкой. В школе его не замечают, а если замечают — то чтобы обидеть. Друзей нет, будущее кажется серым и пустым. Всё меняется, когда он случайно попадает в засекреченную лабораторию ИНТЕХГЕН и прикасается к артефакту, которому там не место.

Проснувшись наутро, Саша обнаруживает, что видит сквозь стены, слышит за километр, а по его пальцам бегут настоящие молнии. Он становится Вольтом — героем, которого так ждал охваченный преступностью и взрывами Новоград. Но за каждым его подвигом стоит кто-то невидимый, кто знает о нём больше, чем он сам. И этот кто-то только начал свою игру.

Фантастический роман о супергерое, одиночестве, первой любви и выборе между местью и спасением. Для тех, кто верит: даже самый тихий может стать грозой.

Содержание

Глава	4
Содержание	5
Глава 1. Одиночество	6
Глава 2. Приезд в Москву	16
Глава 3. Трансформация	26
Глава 4. Конец экскурсии и возвращение в Новоград	34
Глава 5. Новая жизнь	46
Глава 6. Геройство	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

ВОЛЬТ

Глава

ВОЛЬТ

Фантастический роман

Новоград

2026

Содержание

Глава 1. Одиночество

Глава 2. Приезд в Москву

Глава 3. Трансформация

Глава 4. Конец экскурсии и возвращение в Новоград

Глава 5. Новая жизнь

Глава 6. Геройство

Глава 7. Сотрудничество

Глава 8. Против них

Глава 9. Первая масштабная угроза

Глава 10. Письмо от неизвестного

Глава 11. Взрывы в ЖК Жемчужина

Глава 12. В поисках злодея

Глава 13. Битва Огненного Всадника и Вольта

Глава 14. Спасение

Глава 15. В поисках новых угроз

Глава 16. Вторая встреча

Глава 17. Против врагов города

Глава 18. Дискотека в клубе

Глава 19. Страдание

Глава 20. Предфинал

Глава 21. Финальное сражение

Глава 1. Одиночество

Осень в Новограде была особенной — ни на какую другую не похожей. Огромный город, в котором жило почти четырнадцать миллионов человек, раскинулся по обоим берегам широкой, неторопливой реки и тянулся на десятки километров во все стороны, поглощая пригороды, посёлки и старые дачные массивы. Днём проспекты задыхались от машин и автобусов, вечером в миллионах окон загорался тёплый жёлтый свет, а глубокой ночью город будто выдыхал и замирал, тяжело и устало, только для того, чтобы с первыми лучами солнца снова ожить, загудеть и понестись по своим бесконечным делам. Здесь было легко затеряться. Очень легко — легче, чем где бы то ни было: утонуть в толпе, раствориться в потоке чужих лиц, стать незаметным среди асфальта, стекла и неоновых вывесок. И шестнадцатилетний Александр Иванов знал это лучше, чем кто-либо другой во всём Новограде. Он был настоящим экспертом по одиночеству, хотя никогда не просил об этом звании и никому бы его не отдал.

Дом Саши стоял на самой окраине Новограда — старенькая девятиэтажка из облупившегося серого кирпича, окружённая такими же серыми близнецами, заросшими дворами с ржавыми качелями и чахлыми тополями, с которых срывался и кружился по асфальту последний жёлтый лист.

Школа находилась через два квартала — пятнадцать минут неспешного шага по прямой, мимо продуктового ларька, гаража-ракушки и вечно мокрой лужи у перехода. Каждое утро Саша проделывал этот путь один. Всегда один: ни соседа по парте рядом, ни приятеля, с которым можно перекинуться парой слов, никого, кто придержал бы ему дверь или незаметно подтолкнул локтем. Он привык к этому одиночеству, как привыкают к скрипу половицы или к шуму трассы за окном, — хотя на самом деле привыкнуть было невозможно. Просто человек ко всему приспосабливается, даже к пустоте, а Саша приспосабливаться умел давно и хорошо. Утро, дорога, звенящая тишина вокруг, одинокая парта в углу, такой же одинокий путь домой — всё это складывалось в один и тот же, до боли знакомый узор.

Шестнадцать лет — возраст, когда жизнь, по всем правилам, должна быть распахнута настежь: друзья, звонкий смех на переменах, планы на будущее, первые влюблённости, секреты на ухо и долгие разговоры ни о чём. Но жизнь Саши была совсем иной. Не то чтобы плохой — нет, ничего страшного в ней не происходило, его не били, не унижали дома, он был сыт, одет и не голодал. Просто пустой. Пустой в том смысле, в каком бывает пустой дом, в котором никто по-настоящему не живёт: мебель на месте, посуда в шкафах, а в комнатах всё равно гуляет сквозняк. Так и в душе у Саши гулял сквозняк. Он смотрел на одноклассников, которые обнимались, ссорились и мирились, делили наушники, списы-

вали друг у друга, ходили в гости, — и не понимал, каково это. Всё, что другим доставалось само собой, без всяких усилий, для него было закрытой дверью, к которой он так и не нашёл ключа.

Саша не помнил своих настоящих родителей. Совсем: ни лиц, ни имён, ни голосов, ни даже смутного ощущения родного тепла, к которому хочется прижаться. Он не знал, почему однажды оказался один, кто его оставил и была ли у него когда-нибудь мать, державшая его на руках. Его детство прошло в детском доме — большом казённом здании с длинными, пахнущими хлоркой коридорами, где всё — кровати, шкафы, игрушки, даже зубные щётки в стаканчиках — было общим и одновременно ничьим. С самого раннего возраста Саша усвоил простую и горькую правду, которая въелась в него, как въедается запах в старую одежду: у него нет никого. Никого, кто пришёл бы на родительское собрание. Никого, кто ждал бы его после уроков у ворот. Никого, кто обнял бы на ночь, укрыл одеялом потеплее и тихо сказал на ухо: «Всё будет хорошо, сынок. Я рядом». Того, кто произнёс бы эти слова, в его жизни просто не существовало.

Он научился не плакать давно — ещё в детдоме, когда другие ребята один за другим разъезжались по семьям. Саша стоял у окна спальни, прижимаясь лбом к холодному, запотевшему стеклу, и смотрел, как счастливики уходят в новую жизнь: держат за руки незнакомых женщин и мужчин, которые смеются и гладят их по головам, сажают в разноцвет-

ные машины, машут на прощание. Он ждал. Год за годом, из класса в класс, из комнаты в комнату. Каждый раз, когда в детдом приезжали новые люди, у него внутри что-то замирало и затаивало дыхание: может, теперь? Может, за мной? Но время шло, и его чудо всё не случалось. Он перестал считать, сколько раз смотрел в окно, как уезжают другие, — и однажды поймал себя на том, что больше не подходит к подоконнику. Не было смысла. Чуда для него, видимо, не припасено. И всё же — где-то очень глубоко, задавленное, но живое, — что-то продолжало ждать.

И всё-таки, когда Саша уже почти перестал надеяться, когда решил, что он, наверное, никому не нужен и так и уйдёт из детдома один, — чудо произошло. Его взяли в семью. Приёмные родители — добрая женщина с мягким, ласковым голосом, которую Саша вскоре начал называть мамой, и спокойный, надёжный, немногословный мужчина, ставший ему отцом, — приехали за ним в один из самых обычных вторников, когда на улице моросил мелкий дождь, и забрали его в свой дом, в свою жизнь, в свою семью. Саша помнил этот день до секунды: как мама, всё ещё примеряя это слово, как примеряют слишком большую куртку, взяла его за руку, как отец пожал ему плечо, как в машине пахло кожей и кофе. Он помнил, как хотелось плакать, — но он давно разучился плакать при людях. Вместо этого он молча смотрел в окно машины, на уплывающие назад серые стены детского дома, и не верил, что они действительно уезжают вместе.

Саша был благодарен им всем сердцем — той тихой, горячей благодарностью, которую носят молча и не выставляют напоказ. Они дали ему то, чего он долгие годы был лишён: свой угол, тёплую кровать с настоящим одеялом, накрытый стол, вечерние разговоры за ужином, вопросы о школе, к которым он совсем не привык, — а главное, чувство, что он кому-то нужен. Он любил их по-настоящему, глубоко и искренне, как не любил ещё никого в жизни. За еду, за заботу, за то, что его не бросали, когда он молчал, за терпение к его тишине. Но годы, проведённые в детском доме, оставили в его душе такой глубокий след, что никакая забота не могла залечить его до конца. След этот не болел — он просто был. Как шрам, который давно затянулся, но напоминает о себе в ненастье. И Саша носил его в себе, не показывая никому, даже тем, кто любил его больше всех на свете.

Саша вырос замкнутым. Тихим. Таких детей обычно называют удобными: не мешает, не шумит, не спорит, сидит в своём углу и молчит. Он боялся подходить к людям первым — слишком хорошо помнил, каково это, когда тебя отталкивают, пусть даже молча, пусть даже невзначай. Помнил чужие спины, чужие полные руки, чужие семьи, в которых ему не было места. Он не умел заводить друзей: не знал, с чего начать разговор, как поддержать шутку, когда можно улыбнуться, а когда лучше промолчать. Поэтому молчал там, где другие смеялись и болтали без умолку. В классе его не замечали — и это было почти облегчением. Затеряться в толпе он

умел виртуозно: Саша словно надел шапку-невидимку, сшитую из собственной тишины, и носил её, не снимая, даже когда очень хотелось снять. Иногда, придя домой, он подолгу стоял перед трюмо и отрабатывал перед зеркалом приветливое выражение лица — «привет, как дела», — но у зеркала всё выходило, а вживую язык снова прилипал к нёбу.

В школе он был одиночкой, и одиночество это имело две стороны. С одной стороны — пустота: с ним никто не дружил, никто не звал гулять, никто не садился рядом в столовой, никто не списывал у него домашку. Одноклассники смотрели сквозь него, будто он был частью мебели, — и в этой невидимости было даже что-то уютное. Но иногда — хуже того — его замечали, и замечали только для того, чтобы обидеть. Одноклассники постоянно провоцировали его: то толкнут в коридоре, и он ударится плечом о стену, то спрячут рюкзак, и он обыщет полшколы, то шепчутся у него за спиной и громко, зло смеются, когда он проходит мимо, делая вид, что не слышит. Саша слышал. Всегда слышал, но шёл дальше, сжимая зубы и глядя прямо перед собой, — и от этого взгляда, устремлённого в одну точку, у него к вечеру болели глаза и голова.

Саша терпел. Научился терпеть давно — ещё в детском доме, где жаловаться было некому и незачем. Правила, которые он выучил наизусть ещё в семь лет, работали безотказно: не показывай, что тебе больно; не отвечай, когда дразнят; не беги за защитой — всё равно никто не поможет, а смеяться

будут ещё громче. Он никогда не жаловался учителям, никогда не плакал при всех, никогда не просил о помощи. Дома приёмным родителям он тоже ничего не рассказывал — боялся расстроить их, боялся, что они решат, будто он сам виноват, что с ним что-то не так. Пусть лучше думают, что у него всё хорошо. Пусть лучше не знают. Так было безопаснее — и для них, и для него самого. За ужином он улыбался, рассказывал что-то нейтральное про уроки, а внутри, под этой улыбкой, всё леденело от привычной, с детства знакомой тяжести.

К сожалению, он так и не застал того времени, когда можно было с кем-то дружить по-настоящему: возвращаться вместе из школы, делить на двоих бутерброд, сидеть на лавочке до темноты и хохотать над глупыми шутками, которые смешны только вам двоим. Дружба для него оставалась чем-то далёким, почти сказочным — как дракон или летающий ковёр. Она существовала где-то там, у других, у тех, кому повезло больше. Саша смотрел на счастливчиков со стороны, как смотрят на витрину магазина, за стеклом которой лежат красивые вещи, тебе не предназначенные. Часто он стоял у окна школьного коридора на третьем этаже и глядел вниз, во двор. Одноклассники гоняли мяч, смеялись, обнимались за плечи, делили угощение. Он смотрел и молчал. Ему казалось, что он неудачник, что с ним что-то не так, раз даже самые простые человеческие радости обходят его стороной. Иногда хотелось подойти и просто сказать: «Привет, как де-

ла?» — но язык не слушался, а ноги сами несли его прочь, в сторону, подальше от людей.

Но где-то глубоко внутри, под слоем неуверенности и одиночества, — там, куда не дотягивались ни насмешки, ни чужие взгляды, — в Саше всё же жила мечта. Он никому о ней не рассказывал, даже приёмным родителям: боялся, что над ней посмеются или, хуже того, пожалеют. А мечтал он об одном — измениться. Стать другим: смелым, сильным, нужным. Мечтал помогать людям, делать что-то по-настоящему важное, чтобы однажды его заметили — не для того, чтобы посмеяться, а для того, чтобы сказать спасибо. В этой мечте он был не тихим мальчиком у окна, а кем-то значительным, тем, на кого можно положиться, к кому идут за помощью, чьё имя произносят с уважением. Он не знал ещё, как это произойдёт. Не знал, где возьмёт смелость и силы. Но всей душой, каждой клеточкой своего тихого одинокого сердца верил: однажды его жизнь перевернётся. Он только не догадывался, как скоро и как невероятно это случится.

И однажды — так и случилось. В Новоград приехали работники ИНТЕХГЕН — так сокращённо называли Институт Технологических и Генетических Модификаций, один из самых засекреченных научных центров страны, расположенный в Москве, о котором почти никто ничего толком не знал: ни чем там занимаются, ни что происходит за его стенами, ни почему вокруг него столько тишины и охраны. В школах города отбирали нескольких ребят, чтобы провести

для них экскурсию по институту. Для школьников это была большая честь и невероятная удача — попасть туда мечтали многие, а попадали единицы. Коридоры гудели от разговоров: кто поедет, кого выберут, что там покажут. Саша даже не надеялся. Он давно усвоил, что его никуда не выбирают, — и когда учительница зачитала список счастливыхчиков, стоял у окна и даже не слушал. Зачем? И вдруг до него донеслось его собственное имя: «Иванов Александр». Он не поверил. Обернулся, переспросил, глядя на учительницу. И когда она подтвердила, кивнув и улыбнувшись, сердце его забилося так, что заглушило, казалось, весь гомон класса. Ему повезло. Впервые в жизни удача улыбнулась именно ему — и от этого на душе сделалось тепло и немного тревожно одновременно.

Прошло время, и наступил день отъезда. Ребята собрались около большого белого автобуса, который должен был увезти их в Москву, туда, где находился ИНТЕХГЕН. Стоял тёплый осенний день: солнце просвечивало сквозь жёлтую листву, школьники гомонили, обменивались впечатлениями, кто-то фотографировался на память, кто-то обнимался с родителями, смеялся, махал руками. А Саша молча стоял в стороне, сжимая в руках небольшую дорожную сумку, и боялся поверить в то, что это происходит с ним. Он смотрел на автобус, на его чистые белые бока, на синюю полосу вдоль борта и никак не мог привыкнуть к мысли: это правда, я еду. Наконец все расселись, двери с шипением закрылись, мо-

тор заворчал — и Новоград начал медленно уплывать за окном. Саша прижался лбом к прохладному стеклу и смотрел, как мимо проплывают дома, мосты, широкие проспекты, как остаются позади привычные кварталы. Он смотрел на уплывающий город и мечтал. Мечтал измениться. Мечтал помогать людям. Мечтал, что однажды станет кем-то, кем можно по-настоящему гордиться. Он не знал, что совсем скоро его мечты начнут сбываться самым невероятным образом. И что его жизнь уже никогда, никогда не будет прежней.

Глава 2. Приезд в Москву

Дорога до Москвы была долгой — почти сутки в пути, двадцать с лишним часов, в течение которых автобус мерно гудел, покачивался на стыках асфальта и упрямо полз вперёд по бесконечной трассе, рассекая холодный ноябрьский воздух. За окном нескончаемой лентой сменялись пейзажи: бескрайние поля, спокойные перелески, маленькие полустанки с обветшалыми вокзальчиками и одинокими скамейками, встречные поезда, проносящиеся мимо с глухим грохотом и размытой полосой тёплых окон. Саша почти всю дорогу просидел у окна, прижимаясь щекой к прохладному стеклу. Он никогда раньше не выезжал из Новограда, и всё вокруг казалось ему удивительным, новым, почти инопланетным. Он смотрел на мир, который до сих пор знал только по картинкам в учебниках, по кадрам из кино и по скудным рассказам учителей, — и не мог насмотреться, боялся моргнуть и что-то пропустить. Даже обычная корова у обочины, даже ветряк на холме, даже дым над дальней деревней — всё это было чужим, иным, волшебным, и Саша жадно впитывал каждую деталь, будто заранее знал, что больше ему такой возможности не выпадет.

Где-то на середине пути в автобусе стало тихо. Ребята устали болтать, выдохлись от игр на телефонах и перекрикиваний через проход: кто-то уснул, уткнувшись лицом в пле-

что соседа, кто-то натянул капюшон и надел наушники, кто-то просто молча смотрел в окно, как и Саша. А он не спал. Спать он не мог — слишком уж колотилось сердце, слишком много мыслей кружилось в голове, одна другой громче. Он смотрел на дорогу, на тёмнеющее небо, на первые робкие звёзды, проступавшие одна за другой, и думал о том, что ждёт его впереди. Мысли путались, сердце то замирало, то начинало биться чаще и громче, как будто внутри поселился маленький барабанщик, которому не сидится на месте. Он ехал в Москву. Он ехал в институт, о котором никто толком ничего не знал. Туда, где вместо обычных стен — стекло, металл и засекреченные лаборатории, о которых можно только догадываться. От этой мысли по спине пробежал холодок: страшно — и до дрожи любопытно одновременно. Один-единственный выбор учительницы, один листок со списком — и вся его тихая, однообразная жизнь вдруг свернула на неизвестную дорогу.

Наконец автобус остановился — мягко, со вздохом тормозов, будто выдохнул и сам, будто и он устал от бесконечной дороги. Москва встретила их шумом, светом и огромными зданиями, уходящими прямо в небо, в серую дымку облаков. Ребята высыпали на улицу и растерянно замерли, оглядываясь по сторонам, прикрывая глаза ладонями от непривычной яркости. Город был настолько большим, что у Саши захватило дух, — ему показалось, что он стоит на дне глубокого каменного ущелья, где нет ни верха, ни низа. Здесь

всё двигалось одновременно: машины, люди, облака, неоновые вывески, даже тени — всё куда-то спешило, текло, переливалось, звенело и гудело. Саша почувствовал себя совсем маленьким — песчинкой среди миллионов таких же песчинок, которых несёт поток, не спрашивая, хотят ли они плыть. Он стоял, задрав голову, и не мог поверить, что этот город, эти стеклянные башни, эти светофоры и фонари — всё это настоящее, всё это существует на самом деле, а не только в фильмах, которые он смотрел в одиночестве дома на старом телевизоре.

Всех поселили в уютный отель неподалёку от центра — не слишком роскошный, но чистый и светлый, с мягким ковром в коридорах, с запахом кофе, тянущимся из холла, и с вежливой женщиной за стойкой, которая улыбнулась Саше, когда выдавала ему ключ. Он взял ключ, поднялся на этаж, зашёл в свой номер — и несколько минут просто стоял посреди комнаты, не веря своим глазам. У него никогда не было собственной комнаты в гостинице — тем более такой. Он осторожно потрогал кровать, провёл ладонью по чистому белому белью, удивляясь его прохладной, крахмальной свежести, выглянул в окно, за которым загорались огни вечерней Москвы: тысячи, миллионы огоньков, разбегающихся в темноту, как светящиеся муравьи, — и улыбнулся. Впервые за долгое, очень долгое время ему захотелось улыбаться, просто так, без повода. Он лёг на кровать, раскинув руки, и долго смотрел в незнакомый потолок, прислушиваясь к далёко-

му гулу города за окном, не в силах уснуть от переполнявших его чувств: радости, удивления, предвкушения и лёгкого, щекочущего страха перед завтрашним днём. Утром всё начнётся по-настоящему.

Новый день начался с новых возможностей. Рано утром все собрались, умылись, спустились в холл, позавтракали и вышли из отеля — на улице было свежо и солнечно, воздух пах осенью, разогретым асфальтом и листвой. Сев в автобус, группа отправилась туда, ради чего всё и затевалось, — в ИНТЕХГЕН, Институт Технологических и Генетических Модификаций. Воздух в салоне звенел от предвкушения: ребята перешёптывались, гадали, что увидят, спорили о том, каким окажется институт, — обычным зданием с табличкой у входа или чем-то секретным, как в шпионских фильмах. Кто-то уверял, что там покажут настоящих роботов, кто-то — что просто поведут по кабинетам и покажут старые микроскопы. Саша молчал, но слушал и впитывал каждое слово, запоминая всё, как губка, хотя сам не знал, зачем ему это. Он смотрел в окно, и с каждым километром, с каждым поворотом дороги сердце билось всё быстрее, а ладони становились всё более влажными, хоть он и старался не думать о том, что ждёт его в конце пути.

Институт находился за пределами города, в стороне от шумных улиц, среди густого зелёного леса, сквозь который вилась узкая асфальтовая дорога. Когда автобус подъехал ближе, Саша прижался к окну и не поверил своим глазам:

перед ними выросло огромное здание из стекла и металла, похожее на что-то из фантастического фильма, — угловатое, стремительное, будто взлетающее вверх, будто готовое сорваться с места и умчаться в небо. Оно вздымалось над верхушками деревьев, сверкая на солнце тысячами граней, переливаясь то синим, то серым, то серебристым, и казалось, что внутри него кипит какая-то таинственная, невидимая жизнь. Даже воздух вокруг словно дрожал от скрытой энергии, как дрожит воздух над нагретым асфальтом. Саша почувствовал, как по коже побежали мурашки. Он замер, прижавшись лбом к стеклу, и смотрел, не в силах оторваться, пока автобус медленно въезжал на территорию института, мимо высокого забора, строгих будок охраны, шлагбаумов и камер, следящих за каждым движением.

Все вышли и направились к входу. Саша шёл медленно, задрав голову, и рассматривал здание, выискивая взглядом детали: как на солнце переливаются стеклянные панели, как между этажами бесшумно скользят кабины лифтов, как охранники в чёрной форме строго проверяют пропуск. Внутри было ещё удивительнее: прозрачные лифты, поднимающиеся по шахтам, светящиеся панели на стенах, голографические экраны с парящими в воздухе изображениями, роботы, бесшумно разъезжающие по коридорам и вежливо объезжающие людей. Саша смотрел на всё это и был в полном шоке от экспериментальных технологий, от этого невероятного сплава будущего и настоящего. Он и представить

не мог, что такое вообще существует на свете. Казалось, он попал не в институт, а на другую планету, — и голова шла кругом, а руки тянулись потрогать всё сразу. На миг он даже забыл, что приехал сюда как на обычную школьную экскурсию, и почувствовал себя исследователем, ступившим на незнакомую землю.

Экскурсия продолжалась. Группа шла по длинным коридорам, слушала рассказы экскурсовода о научных разработках — о генетике, о новых материалах, о приборах, которых не найти ни в одном магазине, — и разглядывала лаборатории через огромные стеклянные стены, за которыми снова-таки люди в белых халатах среди приборов, колб и мерцающих мониторов. Саша то и дело отставал — ему было интересно всё: и как устроен голографический стол, вокруг которого вращались трёхмерные схемы, и что за жидкости переливаются в высоких колбах — зелёные, синие, янтарные, — и куда ведут бесконечные двери с кодовыми замками и красными огоньками датчиков. Он задерживался у каждого стекла, разглядывал, прижимался носом к панелям, а потом догонял группу почти бегом, неловко извиняясь и натываясь на удивлённые взгляды. Он не мог иначе: ему хотелось узнать всё, увидеть всё, понять всё — даже если на это не хватит и целого года. Чужие двери с кодовыми замками почему-то особенно притягивали его взгляд, заставляя сердце биться чуть быстрее.

В какой-то момент он засмотрелся на необычный светя-

щийся аппарат — незнакомый, пульсирующий мягким голубым светом, похожий на живое существо, — отстал от коллектива, а когда наконец поднял голову, группы уже не было видно. Саша растерялся. Коридор перед ним разветвлялся на три стороны, гул голосов и шаги стихли где-то далеко, за поворотом, который он не успел запомнить. Сердце тревожно ёкнуло: он заблудился в чужом, огромном, незнакомом здании, напичканном секретами и охраной, где каждая дверь может оказаться запретной. Он зашёл в первый попавшийся лифт и по случайности, не глядя, нажал на одну из кнопок — самую невзрачную, без всякой надписи, почти сливающуюся с панелью. Лифт мягко поехал вверх, с тихим гудением, и остановился на каком-то незнакомом этаже. Саша вдохнул поглубже, шагнул вперёд — и двери закрылись за ним с мягким шипением. Он ещё не знал, что эта случайная кнопка ведёт его к самому главному событию в его жизни.

Двери открылись. Коридор был почти пустой, тускло освещённый, с приглушённым светом редких ламп, и в самом его конце Саша увидел массивную дверь — не такую, как остальные, а какую-то особенную: бронированную, тяжёлую, с панелью для кода и маленьким красным огоньком датчика, который мигал ровно и неприветливо, словно предупреждал: сюда нельзя. Прямо в эту секунду дверь открылась, и оттуда вышел человек в белом халате с каким-то прибором в руках — блестящим, с кнопками и экраном, — тихо прошёл мимо и скрылся за поворотом, даже не взглянув на Са-

шу. Саша замер, прижавшись спиной к стене, боясь дышать. Ему стало невероятно интересно: что там, за этой дверью? Почему она такая необычная, такая охраняемая? Почему оттуда выходит человек в белом халате, а не обычный сотрудник, каких он видел в коридорах? Вопросы один за другим вспыхивали в голове, как искры, и на каждый хотелось ответить немедленно. Забытый страх потеряться куда-то отступил перед этим жгучим, почти болезненным любопытством.

Но тут откуда-то издалека донеслись голоса — экскурсия возвращалась, и гул приближался с каждой секундой, с каждым шагом. Саша вздрогнул, очнулся, поспешил обратно к лифту, успел незаметно влиться в группу — и его никто не хватил, никто даже не посмотрел в его сторону. Однако мысль о той двери больше не выходила у него из головы. Она будто приклеилась к нему, вцепилась в воображение и не отпускала: ни когда группа слушала про генетические исследования, ни когда ребята фотографировались у входа, ни когда автобус вёз их обратно в отель. Весь оставшийся день он думал о ней — о тяжёлой бронированной двери с мигающим красным огоньком — и каждый раз, как вспоминал, сердце начинало биться быстрее, а в груди поднималась тёплая волна нетерпения. Он плохо помнил, что ел на ужин и о чём говорили ребята. Перед глазами стояла только она — незнакомая, молчаливая, полная тайны, которая звала его к себе.

Экскурсия длилась три часа — и за эти три часа Саша почти ничего не запомнил из того, что показывали экскурсово-

ды, потому что все его мысли были заняты одной-единственной дверью. Вечером все вернулись в отель и разошлись по номерам. Саша сидел на кровати, смотрел в потолок и думал. Он не мог выбросить из головы ту дверь. Что там? Почему туда не пускают обычных посетителей? Кто и что там прячет? Саше было очень сильно любопытно, а любопытство, как известно, — сильное чувство, одно из самых сильных на свете, сильнее страха и усталости. Оно может привести человека и к великим открытиям, и к большим бедам, — всё зависит от того, куда оно толкнёт. Саша не знал, куда оно приведёт его, — но знал точно, что просто так сидеть и ждать он больше не может. Что-то внутри него, тихое и упрямое, изо дня в день подталкивало его вперёд, к ответам, к той двери, к тому, что за ней.

И он решил разработать план, как туда проникнуть. Лёжа в темноте, с открытыми глазами, он прокручивал в голове варианты один за другим: как незаметно отстать от группы, по какой лестнице или лифту добраться до нужного этажа, чтобы никто не заметил, как вести себя, если его поймают, что говорить, если кто-нибудь спросит, зачем он здесь. Он проигрывал каждую деталь снова и снова, до последнего шага, до последнего вздоха, пока не выучил свой план наизусть, как выучивают наизусть стихотворение перед уроком. Он даже не подозревал, чем обернётся его любопытство, — и уж точно не подозревал, что ответы на все его вопросы уже ждут его, не за дверью, а в маленьком квадратном артефакте, о

котором он пока не знал ни имени, ни предназначения, ни того, какую невероятную силу он несёт в себе. План был готов. Оставалось только дожидаться утра, — и Саша, наконец, закрыл глаза, чтобы встретить новый день, который разделит его жизнь надвое.

Глава 3. Трансформация

Начался следующий день, и Саша открыл глаза ещё до того, как зазвонил будильник. Мысль о той загадочной двери не давала ему покоя всю ночь: она то появлялась перед ним в темноте — тяжёлая, бронированная, с красным огоньком, — то растворялась, оставляя после себя щекочущее беспокойство, от которого ворочался с боку на бок. Он встал раньше всех в номере, тихо, стараясь не разбудить соседей, умылся холодной водой, почистил зубы, позавтракал внизу, почти не чувствуя вкуса еды, и стал собираться. Руки слегка дрожали, когда он застёгивал молнию на куртке, но он твёрдо решил: сегодня он снова попробует туда попасть, чего бы это ни стоило. Ночью он почти не спал — ворочался, прокручивал в голове детали, — но странное дело: усталости не чувствовал. Вместо неё внутри бурлила решимость, смешанная со страхом, и эта смесь гнала его вперёд, как попутный ветер гонит парусник, не спрашивая, готов ли тот к плаванию.

Все снова собрались около автобуса — такие же сонные, вчерашние, со вчерашними разговорами и вчерашними шутками, с теми же телефонами в руках. Саша сел у окна, на то же место, что и вчера, прижался лбом к прохладному стеклу и, пока автобус ехал в сторону института, смотрел на пролетающие мимо пейзажи — но не видел их, не замечал ни леса, ни деревень, ни встречных машин. Все его мысли бы-

ли заняты планом: как незаметно отстать от группы, в какой именно момент свернуть к лифту, как вести себя, если его заметят, что ответить, если кто-то окликнет. Сердце от волнения колотилось где-то у самого горла, ладони потели, он то сжимал, то разжимал кулаки, стараясь держать себя в руках, чтобы никто не заметил его странного, напряжённого состояния, чтобы никто не спросил, всё ли с ним в порядке. Он очень хотел узнать, что скрывается за той дверью, — хотел так сильно, что почти забыл о страхе. Почти.

По дороге автобус остановился у небольшой деревни, приутилившейся к самой трассе, и ребятам дали немного времени размяться, пройтись, размять затёкшие ноги на траве, вдохнуть свежего воздуха. Саша купил мороженое в маленьком ларьке — холодное, сладкое, тающее на языке, — и съел его, глядя на деревенские домики с покосившимися заборами и старыми яблонями, на кур, копошащихся у крыльца, на бабушку, сидевшую на лавочке с рыжим котом на коленях. Это был маленький островок спокойствия перед тем, что должно было случиться: вкус холодного мороженого, утренняя тишина, запах травы и солнца, редкое сонное таяканье собаки где-то за домами. Саша даже не знал, что видит это место в последний раз спокойным человеком, что через несколько часов его жизнь расколется надвое — на «до» и «после», и обратной дороги уже не будет. Он доел мороженое, вытер руки о джинсы и забрался обратно в автобус, не подозревая, что это его последние спокойные минуты на долгие годы, —

а может быть, и навсегда.

Через час они снова были у института — огромного, сверкающего, неприступного среди векового леса, который стеной обступал его со всех сторон. Все вышли и направились к входу, и Саша почувствовал, как сердце подпрыгнуло и забилось чаще: вот оно, всё повторяется, но сегодня всё будет по-другому. Экскурсия началась, и Саша снова, как и в прошлый раз, стал потихоньку отставать от коллектива. Он делал вид, что рассматривает экспонаты, подолгу замирал у витрин, замедлял шаг, пропускал группу всё дальше и дальше вперёд. Он нарочно отводил глаза, когда кто-нибудь оборачивался, делал равнодушное лицо, будто ему просто интересна какая-то техническая деталь на стене, а не сама по себе экскурсия. Когда группа свернула за угол и голоса стихли, он на мгновение задержался у светящейся панели, прислушался — и, убедившись, что его никто не видит, шагнул в сторону лифта. Руки дрожали, но ноги несли его сами, будто знали дорогу лучше, чем он сам.

Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно в коридоре, — глухими ударами отдавалось в ушах, как тяжёлый барабан, и Саше чудилось, что вот-вот кто-то выйдет из-за угла и спросит, что он здесь делает. Он нажал на кнопку вызова, лифт дёрнулся и плавно поехал вверх, и каждая секунда этого короткого подъёма растягивалась в вечность, до боли долгую и тревожную. Двери открылись на том самом этаже — тусклый свет, тишина, длинный пустой ко-

ридор, пахнувший пылью и озоном. Саша вышел из лифта, неслышно ступая по плитке, и увидел в конце коридора ту самую дверь — бронированную, тяжёлую, с панелью для кода и красным мигающим огоньком. Но около неё стоял человек в форме работника института — высокий, в белом халате поверх тёмной одежды. Саша замер, вжавшись в стену, боясь дышать, боясь, что его заметят, боясь, что всё сорвётся в последний момент. А работник, не оглядываясь, уверенно набрал на панели четырёхзначный код, дверь мягко открылась с тихим щелчком, и он скрылся внутри.

Саша затаил дыхание и запомнил код — цифры отпечатались в его памяти, будто их выжгли огнём: он повторял их про себя снова и снова, одними губами, боясь забыть, боясь перепутать хоть одну. Он подождал, прислушиваясь к тишине, пока шаги работника не стихли где-то глубоко внутри, за дверью. Потом медленно, осторожно, стараясь ступать как можно тише, подошёл к двери, оглянулся по сторонам — пусто, никого — и дрожащими, непослушными пальцами набрал код. На секунду ему показалось, что ничего не произойдёт, что он ошибся, что сейчас завоет сирена и прибегут охранники, — но раздался тихий щелчок, красный огонёк сменился зелёным, и дверь, мягко и почти беззвучно, уехала в сторону. Перед ним открылась темнота и запах холодного металла. Саша сделал глубокий вдох, переступил порог и шагнул внутрь — в неизвестность, за которой не будет возврата.

Внутри было темно и прохладно — холодный, машинный воздух с металлическим привкусом осел на лёгких, заставив вздрогнуть и поёжиться. Саша шагнул вперёд — и замер в полном шоке, прижав ладонь ко рту, чтобы не вскрикнуть. Помещение было заставлено странными электрическими трубами, опутанными проводами, какими-то установками непонятного назначения, стеллажами с оружием, похожим на что-то из далёкого будущего: гладкие чёрные корпуса, светящиеся разъёмы, прицелы с миниатюрными экранами. А между всем этим стояли прозрачные колбы с мелкими пузырьками, всплывающими в переливающейся жидкости — зелёной, голубой, янтарной, — и казалось, что внутри колб варится какая-то волшебная энергия. Всё гудело и потрескивало, как будто здесь дышала сама энергия, протекала по трубам, как кровь по жилам живого организма. Воздух был резким, свежим, щиплющим нос — пахло озоном, как после грозы. Саша стоял, не дыша, и боялся пошевелиться, боялся, что любой звук выдаст его.

Саша пошёл дальше, осторожно, на цыпочках, оглядываясь по сторонам, стараясь ничего не задеть локтями и коленями. Всё вокруг светилось и переливалось: панели на стенах мягко пульсировали, экраны на приборах тихо мерцали в темноте, в колбах лопалась и всплывала пена пузырьков, издавая едва слышное шипение. Один прибор особенно привлёк его внимание — незнакомый, с вращающимися деталями и светящимся ядром внутри, похожий на живое су-

щество, запертое в стеклянную клетку. Саша протянул руку, чтобы рассмотреть его поближе, коснуться гладкой поверхности, — и по случайности задел небольшой рычаг на стене. Он был таким незаметным, серым, сливающимся со стеной, что Саша даже не заметил его, пока не услышал тихий щелчок под пальцами. Что-то пришло в движение. Где-то глубоко внизу, под полом, заурчало, загудело, и всё помещение наполнилось низким, нарастающим гулом, от которого завибрировали колбы на стеллажах. Саша отшатнулся, но было поздно: механизм уже запустился, и остановить его было невозможно.

Что-то щёлкнуло — громко, решительно, — и раздался низкий гул, от которого задрожал пол под ногами. В центре помещения началась активация: из пола медленно, с шипением и металлическим лязгом поднялась странная конструкция — пьедестал из тёмного металла, испещрённый светящимися линиями, похожими на вены живого существа, на карту кровеносной системы. А на нём, в самом центре, лежал артефакт. Он был квадратный, размером с ладонь, покрыт непонятными узорами, которые будто шевелились и перетекали друг в друга, и мягко светился изнутри — ровным, тёплым светом, от которого веяло чем-то древним и одновременно знакомым, родным, словно Саша видел его когда-то во сне, в другой жизни, которую не помнил. Сердце замерло, пропустило удар. Во всём этом огромном помещении, среди военных установок и шипящих колб, именно этот маленький

квадрат казался самым важным — самым живым. Саша не мог отвести от него глаз.

Саша заворожённо смотрел на артефакт, не в силах пошевелиться. Он слышал, как гудит у него в груди сердце, как шумит в ушах кровь, как потрескивает где-то за спиной аппаратура. Сделав шаг вперёд — один единственный шаг на подгибающихся, ватных ногах, — он взял артефакт в руки. По ладони разлилось приятное, густое тепло, как от чашки горячего чая в холодный зимний день, — и артефакт будто отозвался на его прикосновение: узоры на миг вспыхнули ярче, по всей его поверхности пробежала светлая волна, и по телу Саши прошла лёгкая, почти незаметная дрожь — с головы до пят, как будто через него пропустили тонкую струйку тока, не болезную, а странно щекочущую. Но в этот момент Саша услышал звук — вроде приближающихся шагов, чётких, размеренных, с каждым мгновением всё ближе и ближе. Испугавшись, он торопливо положил артефакт обратно на пьедестал, разжал пальцы, быстро выскользнул из помещения, закрыл за собой дверь — рука не слушалась, кнопки набирались наугад, — и, стараясь не бежать, почти не дыша, вернулся к коллективу, влившись в группу незаметно, как тень. Сердце его колотилось так, что, казалось, разорвётся.

Саша не знал, что в тот момент, когда он взял артефакт в руки, запустился процесс, который изменит его жизнь навсегда, — необратимый, как распустившийся цветок, как полёт стрелы, сорвавшейся с тетивы обратно в небо. Он не знал и

того, что артефакт, как оказалось позже, каким-то непостижимым, почти волшебным образом сам оказался в его рюкзаке — будто сам захотел отправиться с ним в Новоград, будто выбрал его среди всех остальных, среди десятков ребят, которые толпились в коридорах института, среди всех этих шумных, весёлых, занятых собой школьников. Саша ещё ничего не знал об этом: ни о том, что лежит сейчас на дне его сумки, переложённое курткой, ни о силе, что ждёт своего часа, спрессованная в маленькой квадратной пластине.

Он просто ехал обратно в отель, устало смотрел в окно на огни вечерней Москвы и всё ещё слышал тот низкий гул, чувствовал на ладони тепло, видел перед собой квадратную светящуюся пластину, покрытую живыми, дышащими узорами. Ребята вокруг шумели, делились впечатлениями, планировали, что купят на память, — а Саша молчал, прижимаясь лбом к прохладному стеклу, и не мог выбросить из головы ни ту дверь, ни холодный запах озона, ни щекочущее тепло, которое будто осталось на его коже. Это был последний вечер его обычной жизни, и он даже не догадывался об этом. Утром всё раскроется — и уже никогда не соберётся обратно, как не собирается обратно разбитое стекло.

Глава 4. Конец экскурсии и возвращение в Новоград

Экскурсия закончилась — впрочем, для Саши она закончилась ещё вчера, в тот самый момент, когда за его спиной мягко закрылась тяжёлая бронированная дверь. Последний день в Москве пролетел быстро, почти незаметно: ребята гуляли по центру, смотрели на Кремль с его красными зубчатыми стенами и золотыми куполами, фотографировались у фонтанов, у блестящих витрин, покупали сувениры для родителей — магнитики, брошки, коробочки с конфетами. Саша шёл вместе со всеми, улыбался, когда кто-то обращался к нему, кивал, даже сфотографировался пару раз на память — но мыслями был далеко, бесконечно далеко. Там, за той дверью, у того светящегося артефакта. Что-то не отпускало его: тёплой тяжестью лежало где-то в груди, под рёбрами, и не давало покоя ни на минуту. Он сжимал в кармане купленную для мамы маленькую брошку с видом Москвы, а перед глазами всё всплывали узоры, вспыхивающие ярче от его прикосновения, и холодный металлический воздух того тайного помещения, в которое он, казалось, попал не случайно.

Обратная дорога, как и дорога туда, была долгой — те же бесконечные километры, те же поля, перелески и полустанки за окном, тот же мерный, усыпляющий гул мотора. Ав-

тобус покачивался на неровностях трассы, за окном сменялись пейзажи, а Саша почти всю дорогу проспал — сказывались бессонные ночи, пережитые волнения и та тяжёлая, давящая усталость, что навалилась на него после всего случившегося. Ему снились вспышки света — слепящие и тёплые одновременно, — узоры на квадратной пластине, плывущие перед глазами, и чей-то голос: низкий, спокойный, незнакомый, повторявший одно и то же слово, которое он никак не мог разобрать. Он просыпался на секунду, вздрагивал, смотрел на спящий тёмный салон, на усталые лица одноклассников, на мелькающие за окном огоньки — и снова проваливался в сон, в эти видения, из которых никак не мог выбраться. Ему казалось, что кто-то зовёт его, ждёт его. Но кто и зачем — он не понимал, и от этого становилось тревожно, хотя и любопытно одновременно.

Дома его встретили как героя: мама накрыла стол — пахло жареным и домашним, на скатерти стоял её лучший сервиз, — а отец, присев напротив, засыпал его вопросами про Москву, про институт, про то, что Саша там видел. Саша рассказывал про голограммы, парящие в воздухе, про роботов, бесшумно разъезжающих по коридорам, про огромное здание из стекла и металла, сверкающее на солнце тысячами граней, — рассказывал живо, стараясь ничего не упустить, и родители слушали, затаив дыхание, переглядываясь и улыбаясь. Но ни одного слова про ту дверь. Про неё он почему-то молчал — молчал, хотя язык, казалось, так и просился

рассказать, хотя слова сами складывались на языке. Словно язык не поворачивался, словно что-то внутри него, неведомое и сильное, плотно прикрыло эту тему, и Саша сам не понимал почему. Он просто чувствовал: об этом говорить нельзя. Никому. Даже им. Эта мысль пришла откуда-то из глубины и легла, как запрет, на самое дно памяти.

Поздно вечером, когда родители уже легли, Саша разобрал вещи: выложил сувениры на полку, развесил куртку в шкаф, сунул купленные в Москве мелочи — и наконец дошёл до рюкзака. Открыл его, чтобы достать со дна свернутые вещи, — и обомлел. На самом дне, под сложенной курткой, лежал тот самый артефакт. Квадратный, размером с ладонь, покрытый непонятными узорами, которые в тусклом свете комнаты казались почти невидимыми, сливающимися с сумраком. Сердце подпрыгнуло и ухнуло куда-то вниз: Саша отчётливо помнил, как положил его обратно на тот холодный металлический пьедестал, помнил каждое своё движение, каждое прикосновение пальцев. И вот он здесь, у него в рюкзаке. Как? Саша вытащил артефакт дрожащими руками. Он был тёплым, как будто его только что держали в ладонях, и мягко пульсировал, словно живой, — едва заметно, в такт чему-то, чего Саша не мог ни услышать, ни понять, но что явно было связано с ним самим, с его сердцем, с его дыханием.

Саша повертел артефакт в руках, рассматривая узоры при свете настольной лампы, — они казались то ли письменами,

то ли древними рисунками, складывавшимися в неведомый, но почему-то манящий узор, в котором хотелось найти порядок, смысл, разгадку. А потом случилось то, чего он никак не ожидал. Узоры на артефакте начали светиться — сначала тускло, едва заметно, потом всё ярче и ярче, разгораясь, как угли, раздуваемые ветром, пока вся комната не залилась ослепительным сиянием, бело-голубым, режущим глаза. Из артефакта вырвался поток света — плотный, живой, направленный прямо в Сашу, — и накрыл его целиком, с головой, как волна накрывает пловца. Всё его тело пронзило тепло, глубокое, горячее, будто он окунулся в тёплую воду после долгой дороги, — а потом резкая, пронизывающая боль, такая, что перед глазами потемнело. Саша не успел даже закричать как следует — только вдохнул, перехваченный болью, и почувствовал, как его тело сотрясает крупная, неудержимая дрожь.

Саша закричал — коротко, хрипло, отчаянно, — выронил артефакт, и тот со стуком покатился по полу, а сам он упал рядом, на холодный линолеум. Голова раскалывалась, будто изнутри били молотом. Каждая клетка тела горела, каждую мышцу сводило судорогой. Саше казалось, что по жилам течёт не кровь, а расплавленный металл — тяжёлый, кипящий, прожигающий насквозь, от кончиков пальцев до самой макушки. Мир перед глазами плыл и мерцал: вспышки света сменялись темнотой, темнота — вспышками, и в этом бесконечном чередовании он слышал собственное сердце, огром-

ным барабаном отдававшееся в ушах. Он с трудом, на четвереньках, подтянулся к своей кровати, вцепился в одеяло, забрался под него с головой, сжался в комок — и провалился в глубокий, тяжёлый сон, полный странных видений, искр и голосов, произносивших слова, которых он не понимал. Ночь тянулась бесконечно, а его тело — тихое, неподвижное, укрытое одеялом — работало, менялось, перестраивалось, как запущенный впервые и уже не останавливаемый механизм.

Наступил следующий день. Серое утро пробивалось сквозь шторы, и Саша открыл глаза, ещё не понимая, где он и что с ним. Он почувствовал себя странно — необыкновенно легко, как будто скинул тяжёлый груз, который носил всю жизнь, как будто из тела вынули что-то лишнее, тянущее вниз, мешавшее дышать. Он потянулся, встал с кровати — и вдруг понял, что до пола стало дальше, чем раньше. Мягко, неуверенно он сделал шаг к зеркалу — и отшатнулся. За ночь его тело изменилось. Он стал выше — заметно, на несколько сантиметров, — плечи шире, мышцы рельефнее, очерченные под футболкой, которой он вчера казался великоват. Из зеркала на него смотрел уже не тот худенький тихоня, каким он был ещё вчера, — а совсем другой Саша, незнакомый и в то же время свой. Он подошёл ближе, коснулся собственного плеча, провёл рукой по лицу, не узнавая себя. Глаза те же, но во взгляде что-то изменилось — что-то новое, чужое и в то же время до боли своё. Он сам не по-

нимал что.

Но это было не главное. Саша повернулся боком, глядя в зеркало на своё отражение, — и случайно посмотрел на стену, на обычную белую стену своей комнаты. И увидел сквозь неё. Он видел соседнюю комнату — мамину кровать, край шкафа, абажур торшера, — видел, где в стенах проходит проводка, жёлтыми и красными линиями, и даже чувствовал электрический ток, текущий по проводам, — тёплым, попискивающим, живым. Его зрение стало совершенно другим, нечеловеческим, — и это было страшно и невероятно одновременно. Мир раскрылся перед ним, как книга, как рентгеновский снимок, на котором видно всё, что скрыто от обычных глаз. Он видел воду в трубах — тёмно-синюю, медленно текущую, — видел искры в проводах, вспыхивающие и гаснущие, видел тепло человеческих тел за стенами — мягкие розовые пятна за гипсокартоном, в соседней квартире. Саша замер, боясь пошевелиться, боясь, что видение исчезнет, — и в то же время боясь, что оно не исчезнет никогда.

Он испуганно заморгал, потёр глаза кулаками — но видение не исчезало. Саша подошёл к стене, осторожно, как к живому существу, потрогал её: стена была настоящей — каменной, холодной, шершавой под пальцами, с мелкими неровностями штукатурки. Но он видел сквозь неё. Видел, как по трубам внутри бежит вода, видел мелкие трещины в бетоне, спрятанные под обоями, видел, как по проводам под напряжением бегут крошечные искорки — золотые точки, раз-

бегающие, как муравьи. Весь мир стал прозрачным, безжалостно ясным, как будто с него сняли кожуру и показали нутро. Это пугало — и одновременно завораживало, тянуло смотреть ещё и ещё, разглядывать скрытое, невидимое, то, что раньше было недоступно. Саша стоял посреди комнаты и смотрел сквозь собственный дом, не в силах ни оторваться, ни понять, что с ним произошло. Внутри всё дрожало от страха, но где-то глубже, в самой сердцевине, вспыхивало что-то похожее на восторг.

Саша собрался, с трудом оторвавшись от стены, натянул куртку и пошёл в школу. Он шёл по знакомой улице, мимо продуктового ларька и гаражей, — и слышал всё: разговоры прохожих за три квартала, отдельные слова, обрывки фраз, гудки машин за километр, даже то, как в подвале дома на другой стороне улицы возится кошка — когти по бетону, тихое мурлыканье, шорох лап. Мир наводнился звуками — резкими, громкими, накладывающимися друг на друга, — и Саше пришлось учиться их отфильтровывать, как учится радист отделять нужный сигнал от помех, крутя ручку настройки. К середине дня он кое-как научился приглушать лишнее, задвигать его на задний план, — но поначалу голова раскалывалась от шума, от этого невиданного, нечеловеческого гула, в котором тонули даже собственные мысли. А когда он зашёл в класс и посмотрел на одноклассников — как они общаются, смеются, переглядываются, шепчутся, не замечая его, как и всегда, — у него резко испортилось на-

строение. Они жили обычной жизнью: простой, привычной, понятной. А он — он больше не был обычным. И никогда уже не будет.

Начался урок. Сашу вызвали к доске и спросили, как решается пример. Он не знал. Стоял у доски, смотрел на цифры, которые не складывались в голове, — их то и дело сменяли вспышки света и обрывки образов, — и молчал. Сказал тихо: «Не знаю», — и все стали смеяться. Смех прокатился по классу, привычный, знакомый до боли — тот самый смех, который он слышал сотни раз, проходя по коридорам и садясь за свою одинокую парту. Ему было очень обидно: во рту стало горько, в горле встал тугой ком, который не продохнуть. Учитель поставил двойку в журнал и велел садиться. Саша вернулся на место, сжав кулаки под партой, и чувствовал, как внутри закипает злость — злость не на одноклассников, а на себя, на свою слабость, на этот вечный страх и эту вечную робость, из-за которой он не сказал ничего в ответ. Он ведь теперь сильный. Он видит сквозь стены, слышит за километр. Почему же он всё ещё боится? Почему не может ответить, не может заставить их замолчать одним взглядом? Он не знал ответа, и это злило его ещё сильнее.

После уроков Саша вернулся домой в плохом настроении. Настроение было хуже некуда — тяжёлое, мутное, как осенняя вода в лужах, — и он решил выйти прогуляться, проветрить голову, пройти по улицам, чтобы прийти в себя, разогнать мрачные мысли. Проходя мимо парка, где уже темнели

голые кусты и шуршала под ногами жухлая листва, он встретил одноклассников. Один из них — парень по имени Кирилл, тот самый, что больше всех любил над ним издеваться, — сразу заметил его и двинулся навстречу. Он начал провоцировать Сашу: толкать в плечо, оскорблять, пытаться задеть побольнее, хохоча и подталкивая локтём остальных, которые сгрудились вокруг, предвкушая привычное зрелище. Саша стиснул зубы и попытался отойти, опустив голову, — как делал всегда. Но на этот раз Кирилл не собирался его отпускать. Он шагнул следом, замахнулся, хотел ударить, — и в этот момент Саша, сам не понимая как, поймал его руку и перехватил её. Пальцы сжались — просто сжались, без всякого усилия, — и Кирилл закричал от боли.

Саша мгновенно разжал пальцы, отпустил его и шагнул назад, ошеломлённый собственным движением, которое произошло как будто само по себе, помимо его воли. Но Кирилл почему-то не удержался на ногах: его качнуло, отбросило назад, и он отлетел на несколько метров, словно от невидимой силы, словно его подхватила и отшвырнула волна. Он грохнулся на землю, раскинув руки, среди жухлой листвы, среди клочьев травы. Вокруг ахнули — кто-то вскрикнул, кто-то попятился, прикрыв рот ладонью. Саша в шоке посмотрел на свои руки — на обычные руки, которые только что сделали это, — развернулся и бросился бежать, не слыша ни окриков, ни свиста, ни собственных шагов, ни бешено колотящегося сердца. Что это было? Что с ним происходит?

Ответа не было — только гул в ушах и мелькающие перед глазами лица одноклассников, искажённые испугом и удивлением. Вечером он сидел в своей комнате, не включая свет, и смотрел на свои ладони, не узнавая их, боясь, что они делают что-то ещё.

Наступила суббота, выходной. Саша проснулся, почистил зубы, позавтракал, стараясь не думать о вчерашнем, о том, как Кирилл отлетел от его руки, как смотрели на него одноклассники. Потом сел за уроки, но мысли были далеко — они кружились вокруг артефакта, вокруг силы, которая теперь жила в нём, вокруг всего, что произошло за эти дни. Прошло около четырёх часов, и Саша решил сходить в магазин за лимонадом — просто чтобы размяться, выйти из дома, подышать воздухом, сменить обстановку. Он зашёл в маленький продуктовый магазинчик на углу, кивнул знакомой продавщице, прошёл к полкам с напитками и начал разглядывать бутылки, выбирая, что взять. И вдруг — через матовое стекло входной двери он увидел. Нет, не увидел — почувствовал, кожей, всем телом, как по спине пробежало ледяное предчувствие: в магазин входили вооружённые люди. Активировалось его особое зрение, включилось само, помимо воли: он видел их сквозь стены и матовое стекло, видел оружие, спрятанное под одеждой, — тёмные силуэты, напряжённые плечи, хмурые лица.

А вокруг его тела, вокруг рук начали появляться искры — мелкие, голубоватые, потрескивающие молнии, вспыхи-

вающие и гаснущие на кончиках пальцев, как живые. Саша почувствовал, как сила поднимается внутри него, наполняет руки, ноги, грудь, — и понял, что назад дороги нет. Всё, что было вчера, — было только началом. Он незаметно переместился — это произошло быстрее, чем он успел моргнуть, тело сработало само, — и оказался рядом с грабителями. Те начали стрелять: грохот, вспышки, гильзы запрыгали по кафелю. Но около Саши возникла невидимая защита — воздух перед ним будто затвердел, стал плотным, как стена, — и пули упали на пол, сплюснутые о невидимую преграду, со звоном покатались по плитке, как камешки. Из рук Саши вырвались молнии — ослепительные, послушные его воле. Он вырубил грабителей одного за другим, точными короткими разрядами, не глядя на их ошеломлённые лица, обернулся к кассиру — женщине, вжавшейся в угол, — сказал коротко, чтобы она была осторожнее и вызвала полицию, и быстро выбежал из магазина. А потом, уже на улице, молнии вдруг начали поднимать его в воздух: сначала он испугался, задохнулся, взмахнул руками, ожидая, что сейчас упадёт и разобьётся о землю, — но быстро понял, что может управлять этой силой, что она слушается его, как слушаются собственные руки и ноги. Он решил попробовать полететь. Первый раз получилось неуклюже: его качало, бросало из стороны в сторону, он чуть не врезался в дерево, зацепив ветки, обсыпав себя листвой, — но во второй раз уже нормально контролировал свой полёт, чувствуя, куда и как направить

силу, как выровнять тело. Он летел над ночным Новоградом, над крышами домов, над освещёнными окнами, над улицами, уходящими в темноту, — и чувствовал свободу, какой не чувствовал никогда в жизни, никакой другой. Ветер бил в лицо, выжимал слёзы из глаз, город сверкал внизу тысячами огней — и Саша впервые за долгое время улыбался по-настоящему. Открыто, широко, свободно. Поздно ночью он вернулся домой, тихо прикрыл за собой дверь, стараясь никого не разбудить, и сел на кровать, не включая свет. Он начал понимать: та сила, что спала в артефакте, теперь стала частью его самого, его крови, его дыхания, его жизни. И он пока не знал, хорошо это или плохо. Но что-то подсказывало ему: это только начало.

Глава 5. Новая жизнь

Вечер застал Сашу за письменным столом. За окном сгустились синие сумерки, на соседних домах одно за другим вспыхивали жёлтые окна, а он сидел неподвижно, не включая лампу, и смотрел на собственные руки, лежавшие перед ним на столе. Сегодня он принял решение — простое, но тяжёлое, как камень, который наконец сдвинулся с места: старая жизнь кончилась, начинается новая. Он больше не хотел быть тем, кого обижают и не замечают, тем, кто прячется за окном, прижимается лбом к холодному стеклу и молча смотрит на чужие радости, как на кино, в которое ему не попасть. Вспомнились школьные коридоры, смех за спиной, пустое место рядом с ним за партой, чужие взгляды, которые скользили сквозь него, не задерживаясь. Вспомнилось, как он глотал обиды, делая вид, что ему всё равно. Хватит, сказал он себе. Он сжал кулаки — и почувствовал, как где-то под кожей что-то зашевелилось: тёплое, живое, наэлектризованное, словно кто-то пролил в его вены искры.

Он медленно разжал пальцы и уставился на них, не веря собственным глазам. По ладоням пробежали голубоватые искры — тонкие, как расчёсанные волосы, — и Саша заворожённо следил, как они перетекают от пальца к пальцу, вспыхивают и гаснут, как живые. Он нечаянно дёрнулся, повернулся к окну — и в ту же секунду из руки вырвался насто-

ящий разряд: ослепительно-белая молния с острыми ломаными краями, которая ударила прямо в стекло. Грохот был такой, что заложило уши, а в лицо брызнул холодный воздух вперемешку с тысячей осколков. Стекло разлетелось вдребезги, и звон, казалось, разнёсся по всей квартире, отражаясь от стен, как колокол. На полу блестела россыпь осколков, за окном кричали испуганные птицы, а Саша стоял посреди всего этого, тяжело дыша, и смотрел на свои руки, которые только что это сделали. Он не знал, смеяться ему или бояться. Руки дрожали, но внутри поднималось странное пьянящее чувство, и Саша понял: теперь всё будет по-другому, и назад дороги нет.

В дверь осторожно, но настойчиво постучали, и в щель просунулась голова перепуганной мамы: «Что за грохот, Саша? Ты цел?» Он стоял у разбитого окна, стараясь не смотреть в ту сторону, и выпалил первое, что пришло в голову: кто-то бросил камень, наверное, хулиганы со двора. Мама перевела взгляд с сына на осколки, потом снова на сына, и в глазах её промелькнуло что-то тяжёлое. Она не поверила до конца — это читалось в её лице, — но промолчала. Она и так знала, что с сыном происходит что-то странное: он стал замкнутым, вздрагивал от резких звуков, подолгу смотрел в одну точку, будто прислушивался к чему-то внутри себя. В последние дни он был сам не свой, и она боялась надавить, боялась спугнуть, боялась, что если начнёт расспрашивать — потеряет его окончательно. Она только попросила убрать

осколки, пока она найдёт, чем затянуть окно на ночь, и тихо закрыла дверь. А Саша, оставшись один, впервые за долгое время почувствовал жгучий стыд: врать маме было тяжелее, чем разбить стекло.

На следующий день мастер вставил новое стекло. Он долго ходил вокруг подоконника, цокал языком, ощупывал раму и ворчал, что стекло лопнуло странно, без всякой причины: снаружи ни следа удара, а изнутри осколки будто выдавлены на улицу. «Такого я ещё не видел, — бормотал он, закручивая шурупы, — взрыв, что ли?» Саша молчал и смотрел в сторону, делая вид, что увлечён книгой, хотя буквы прыгали перед глазами. Стоило вспомнить вчерашний разряд — и пальцы начинали слегка покалывать, словно напоминали, что сила никуда не делась.

Вечером, когда мастер ушёл, Саша сел за стол с альбомом и карандашом. Он рисовал не просто картинку — он рисовал концепт своего костюма, чертёж будущей жизни. Долго подбирал знак, символ, который станет его отличительной чертой: пробовал круг, звезду, птицу, букву, но ничего не цепляло, ничего не звучало правдой. А потом, почти случайно, нарисовал молнию, разбитую надвое, — знак скорости, силы и свободы, что-то простое, ломаное, узнаваемое с первого взгляда. Он перерисовывал её десятки раз, сидел над листом, пока не затекли плечи, пока линия не стала точной, как выстрел, и пока он наконец не остался доволен. Глядя на готовый рисунок при свете настольной лампы, Саша впервые

за много дней улыбнулся по-настоящему.

И в этот вечер он окончательно понял, кем хочет быть. Раньше, когда сила только просыпалась, в голову закрадывались тёмные мысли: можно ведь брать всё, что захочешь, — никто не остановит и не догонит. Можно стать тем, кто диктует правила, тем, кого боятся, тем, кто вечно забирает — деньги, внимание, чужую жизнь, чужие надежды. Но сейчас, глядя на свой нарисованный знак, Саша вдруг увидел себя со стороны и отшатнулся. Он не хотел быть тем, кто убивает и грабит. Он хотел стать символом — спасти слабых, помогать тем, кто нуждается в помощи. В этом он видел теперь своё призвание, и от этой мысли внутри разливалось тепло, как от горячего чая в мороз. Сила дана ему не для того, чтобы брать, а для того, чтобы отдавать. Он впервые задумался об этом всерьёз, и мысль легла на сердце легко и правильно, будто ждала своего часа именно здесь и именно сейчас.

Поздно ночью Саша лежал в кровати, заложив руки за голову, и смотрел в потолок, где дрожал отсвет уличного света. Мысль, родившаяся где-то в глубине души, крутилась и крутилась, не отпуская: «Людам нужна надежда на светлое будущее». Он думал о соседях, о школьниках, которые боятся возвращаться тёмными дворами, о стариках, которых толкают в автобусах, о мальчишках, у которых отбирают телефоны. Кто-то должен дать им надежду. Кто-то должен показать, что справедливость существует. Почему бы не он? Саша закрыл глаза и представил, как однажды город будет

смотреть на него с благодарностью, как мальчишки будут рисовать его знак на заборах, как старики будут говорить, кивая ему вслед: «Это наш герой». Не ради славы — ради того, чтобы хоть кому-то стало легче дышать. Под этой мыслью, как под тёплым одеялом, он и уснул — впервые за много дней спокойно, без тревожных снов и ворочаний.

В следующие дни Саша сидел на уроках как на иголках, а по вечерам снова доставал альбом и разрабатывал начальный концепт костюма. Он перебрал десятки вариантов: тёмный, как ночь, — чтобы сливаться с темнотой бесшумной тенью, и яркий, как молния, — чтобы его видели издалека и понимали: помощь уже близко. Рисовал накладки, шлемы, плащи и отбрасывал их один за другим, как шелуху. Главной проблемой оказалась маска: он никак не мог придумать, как сделать её, чтобы она не мешала видеть и дышать, чтобы не запотевала и не сдавливала лицо при резких манёврах. Чертил схемы, вырезал бумажные заготовки, прикладывал к лицу и морщился от неудобства. А потом вдруг отложил карандаш и решил обойтись без маски вовсе. Пусть город видит его лицо. Пусть знают, что за каждым подвигом стоит живой человек, а не безликая тень. Если уж он собирается быть символом, то честным — от начала и до конца.

Пришла ночь — тихая, звёздная, наполненная свежестью. Саша распахнул окно, постоял на подоконнике, вдыхая холодный воздух, шагнул — и полетел. Сердце на секунду ухнуло вниз, а потом мир распахнулся: ветер запел в ушах, ули-

цы ушли под ноги, и он поднялся так высоко, что город стал похож на карту, расчерченную огнями. Он приземлился на крышу самого высокого дома в округе — мягко, почти бесшумно — и стоял там, на самом краю, глядя на ночной Новоград. Миллионы огней, спящие кварталы, редкие машины, скользящие по проспектам в свете фонарей. С высоты город казался другим: спокойным, почти безмятежным, забывшим о своих бедах. Холодный ветер бил в лицо, трепал куртку, а под ногами жило своей жизнью целое море крыш — плоское, тёмное, бесконечное. Где-то там, внизу, спали миллионы людей, не зная, что над ними, на крыше, стоит парень по имени Саша и держит в руках целую новую судьбу.

Времени до рассвета оставалось довольно много: луна ещё не успела уйти за горизонт, хотя небо на востоке уже начинало сереть. Саша стоял, обдумывая, с чего начать свою новую жизнь, — и вдруг увидел внизу что-то неладное. По широкой улице, задевая бордюры и подпрыгивая на лежащих полицейских, мчалась чёрная машина, а за ней, заливая всё синими вспышками, летели патрульные автомобили. В машине, судя по всему, сидели преступники: они виляли, пытались вырваться, таранили ограждения, — а в салоне был ещё кто-то, кого, возможно, держат силой и кому, возможно, нужна помощь. Саша не стал думать дважды. Он собрался, выпрямился, мышцы напряглись — и он камнем полетел вниз, к стремительной чёрной точке, мчащейся между домов по тёмному асфальту.

Он приземлился прямо на крышу мчащейся машины: кузов вздрогнул, водитель дёрнул руль, но Саша удержался, вцепившись пальцами в рёбра металла, и, наклонившись, заглянул в салон. На заднем сиденье, прижавшись к двери, дрожа всем телом, сидела девушка — руки связаны, в глазах застыл ужас. Саша резко разбил стекло, осколки брызнули внутрь, и дальше всё произошло за несколько секунд: преступники один за другим вылетели из машины — живые, но обезвреженные, выброшенные на обочину точными, мгновенными движениями, где замерли оглушённые. Он освободил девушку, помог ей выбраться, поймал на руки, когда машина наконец встала, упёршись в газон. Но в тот же миг его осветили фары полицейских машин — и он понял, что всё это видели. Патрульные видели. Камеры наблюдения на столбах, повернувшиеся к месту происшествия, видели. С этого момента всё изменилось навсегда.

Наступил следующий день — и начался он совсем не так, как обычно. Интернет гудел: по всем соцсетям разлетелись десятки новых видео про супергероя, который спас девушку из рук похитителей. Люди снимали его на телефоны с балконов, постили в сеть, спорили в комментариях до хрипоты. Одни восхищались, называли чудом, другие сомневались и выискивали подвох, третьи откровенно пугались: кто дал этому человеку право вмешиваться, и кто он такой вообще. Обсуждения разрастались, как снежный ком, и наконец докатились до кабинета прокурора Новограда — Смирнова

Андрея Олеговича. Седой, подтянутый, привыкший, что всё в его городе происходит по закону и по плану, он посмотрел записи дважды, потом в третий раз, помассировал переносицу и отдал приказ: найти героя. Или, как он поправил себя, глядя на погасший экран, — преступника. Так, для порядка.

Но в кабинете нашлись и те, кто возразил ему, и голоса их звучали резонно: «Разве преступник может спасать людей? Тем более тот, кто умеет летать?» Смирнов Андрей Олегович задумался. Он был человеком системы, привыкшим к порядку: жизнь казалась ему понятной, пока всё шло по инструкциям — документы, подписи, печати, параграфы. Появление неподконтрольной силы выбивало его из колеи. В его городе появился кто-то, кого он не мог объяснить, и это беспокоило его сильнее, чем он готов был признать даже самому себе. Герой или преступник — в конце концов, это решает закон, а не толпа с телефонами. Он встал, подошёл к окну, посмотрел на вечерний Новоград и подумал о том, что ещё недавно знал здесь каждую улицу и каждую крышу. Законы должны соблюдаться всеми — или не соблюдаться никем. Эта железная формула висела перед ним, как вопрос без ответа.

Глава 6. Геройство

Саша стал надеждой для многих, и это слово перестало быть для него пустым. Он спасал жизни одну за другой — так, как другие дышат или моргают, не раздумывая. То вытаскивал людей из горящей машины на трассе, пока пламя лизало капот, то останавливал ограбление в ювелирном, разбрасывая нападавших по мокрому тротуару, то ловил упавшего с балкона ребёнка в последнюю секунду, то под руку провожал потерявшегося старика через шумный перекрёсток домой. Город заговорил о нём: в газетах появлялись статьи с заголовками в три этажа, в интернете выросли фан-сайты, где выкладывали его фотографии и мемы, школьники рисовали его знак на тетрадах. Но Саша, глядя на всё это из своей комнаты, понимал: рано или поздно ему придётся столкнуться с чем-то гораздо большим, чем обычная уличная преступность — с тем, что проверяет на прочность не силу, а сердце. И это «что-то» не заставило себя ждать.

Вечером, возвращаясь пешком через центр, Саша остановился у двадцатипятиэтажного дома и поднял голову. С верхних этажей доносились крики — резкие, испуганные, женские и детские голоса, похожие на крики чаек над штормовым морем. Бандиты взяли людей в заложники и заперлись наверху, а из распахнутых окон неслись их хриплые выкрики: если им не дадут вертолёт, они перестреляют всех заложни-

ков одного за другим. Они были уверены, что их никто не остановит, что люди в заложниках — их железная гарантия безопасности, их живой щит, за которым можно спрятаться. Саша прислушался, сжал кулаки и взлетел — бесшумно, как тень, скользнул между балконами вверх по тёмной стене, и сердце его колотилось ровно и спокойно, как метроном.

В это же время со стороны города подлетели вертолёты — полиция и телевидение. Вертолёты зависли над соседними крышами, прожекторы заматались по фасаду, а операторы нацелили камеры на окна, пытаясь поймать каждый кадр. Дикторы в прямом эфире захлёбывались от волнения, голоса их дрожали, потому что такого никто не видел вживую. Саша в этот момент оказался прямо в поле зрения камеры: он повернулся, и вся страна на мгновение увидела его лицо — обычного парня, освещённого светом прожектора. Дальше камера успела лишь зафиксировать стремительное движение: он вырубил бандитов одного за другим, освободил заложницу, бережно вынес её из окна, а потом взмыл в ночное небо и растворился в темноте прежде, чем кто-либо успел его задержать или хотя бы окликнуть.

Его начали искать по всему Новограду: на дорогах стояли посты, в небе дежурили вертолёты, а по городу ходили слухи один страшнее другого. Прокурор Смирнов Андрей Олегович до сих пор был в шоке от увиденного — он пересматривал запись раз десять, и каждый раз внутри него поднималась волна холодного беспокойства. Советники и подчи-

нённые осторожно советовали не связываться с этим героем: мол, город его любит, а трогать народного любимца — себе дороже. Но прокурор упрямо твердил одно: закон должен соблюдаться всеми, без исключений и привилегий. Он не знал ещё, что очень скоро его мнение изменится — что этот человек в костюме окажется единственным, кто сможет спасти город, когда всё остальное рухнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.